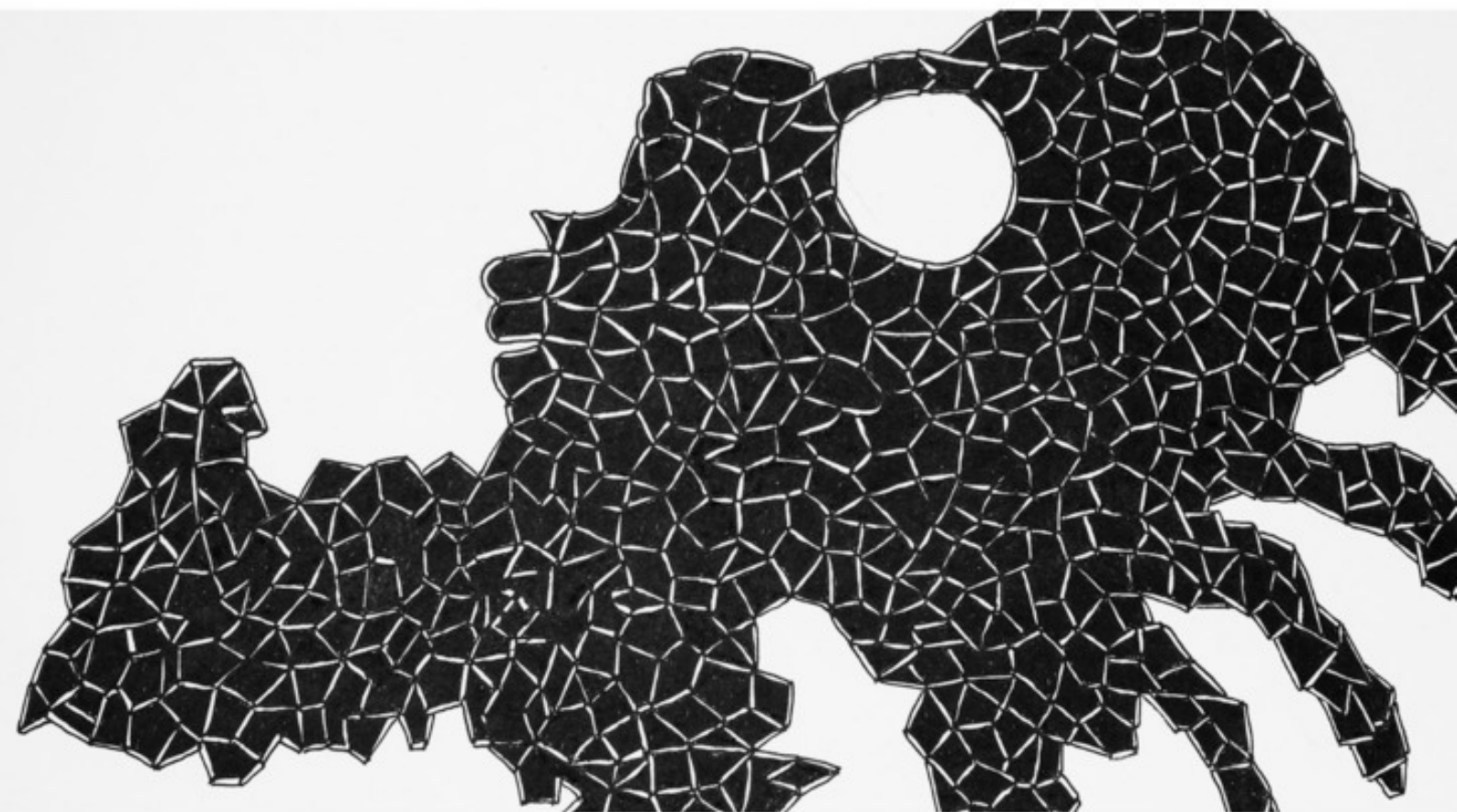

Саша Ненадо

УГОЛЬКИ

Саша Ненадо

Угольки

«Издательские решения»

Ненадо С.

Угольки / С. Ненадо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963294-4

Вот вам дело об одном обугленном трупе и крупной сумме денег. Как расследовать преступление и не стать самому вором или убийцей? Возможно, никак.

ISBN 978-5-44-963294-4

© Ненадо С.
© Издательские решения

Угольки

Саша Ненадо

© Саша Ненадо, 2019

ISBN 978-5-4496-3294-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Угольки

Останься хоть тенью милой,
но память любви помилуй —

черешневый трепет нежный
в январской ночи кромешной.

Со смертью во сне бредовом
живу под одним я кровом.

И слёзы व्यюнком медвяным
на гипсовом сердце вянут.

Федерико Гарсия Лорка, перевод Гелескула

1.

Православное рождество в том году оказалось необыкновенно кроважидным: в Москве от менингита умерло двое детей, где-то на краю географии перевернулся автобус и в нем мало кто выжил, но, поскольку он вез мигрантов из Средней Азии, о нем почти не говорили.

Утром 7 января, когда о детях еще никто не написал, а об автобусе — и не собирался, в своем городе примерно в тысяче километров от Москвы, в хрущевке в историческом центре Саша Ахин готовил завтрак. Перед ним в кастрюле кипели фузилли, рядом на разделочной панели стояла открытая баночка песто и миска с мелко натертым сыром, который, будучи куплен в России, портил всю компанию. Ахин помешивал макароны и листал ленту фейсбука, сегодня заполненную отечными ангелами, а в окне через все небо тянулась полоса жирного черного дыма.

Пожар произошел в пентхаусе нового дома по соседству. Беда стряслась ночью и огонь потушили еще до того, как Саша продрал глаза, но дым, подпитываемый тлением виниловых обоев, пропиткой перегретой паркетной доски, дорогой техники и прочей дряни все курился и курился, застаивался в морозном воздухе и долго не терялся. Дым был виден в центре города отовсюду, словно кто-то решил подвести черту под прежней жизнью и известить об этом всех.

Ахин откинул фузилли на дуршлаг, sprysнул холодной минералкой, чтобы сыр не слишком сильно плавился, опрокинул в пиалу, быстро вытряхнул сверху песто, перемешал, чтобы пошел базиличный аромат, и открыл ленту новостей. Тем временем неслышимые за стеклопакетами пожарные ходили по двору и искали, куда они закатали крышку люка гидранта.

Новостники уже узнали, что в тихую ночь, святую ночь в центре сторела квартира и на пожаре кто-то пострадал.

«Пострадал», – сказал Саша и посмотрел в окно, как обугленные частицы тела неизвестного поднимаются к небу.

Сейчас двор выглядел мирно, но каких-то три часа назад в нем творился ад. Жильцов согнали на мороз и заставили смотреть, как пожарные вываливают тонны воды на ремонты и обстановку, стоившую миллионы. Пожарным пришлось вызвать полицию, потому что владелица двухуровневой квартиры под пентхаусом выбежала из толпы эвакуированных с криками «Хватит! Достаточно!» и попыталась вырвать шланг, которым по пожарной лестнице в горящую квартиру подавали воду. Бывший муж квартировладелицы, остававшийся главным добытчиком в семье и после развода, недавно был уволен с поста мэра; с тех пор женщину терзал страх перед будущим. Ее оттащили от гидранта, но тут полыхнуло из окон на противоположной стороне дома, и пожарные оставили ее без присмотра. Безумная бургомистрша молча, чтобы не привлекать внимания, достала маникюрные ножницы и нанесла несколько кинжальных ударов в шланг. Вначале ничего не происходило, и она била в шланг снова и снова, пока не раздался хлопок. Кусок шланга хлестнул ее по ногам, а самой ей в лицо, шею и грудь ударил поток воды, твердый, как удар кулаком, да такой силы, что на нижней челюсти сломался мост и кусок скобы врезался в десну. Когда подошли полицейские (да, они редко спешат), им стоило большого мужества взять под руки и увести обледепевшего йети, наполовину норкового, наполовину крашеного в блонд, с ужасной окровавленной пастью.

Лишь спустя час пожарные смогли войти в квартиру, где сам воздух успел стать черным. Сквозь выломанные окна в дым проникали первые лучи солнца, и в них мужчины разглядели кучу черного угля на полу. Масса напоминала скорчившуюся человеческую фигуру, лежавшую к ним спиной. Не без трепета пожарные обошли тело со стороны ног: ботинок на жертве не было, в мусоре и пепле виднелись искривленные тесной обувью кости пальцев. Из кучи гари торчали обугленные коленные чашечки, как будто погибший был в черных колготках. Выставленные вперед руки закрывали голову. Старший бригады подошел, наклонился; у него за спиной собрались двое подчиненных, которые таких тел никогда раньше не видели. Пожарному казалось, он чувствует запах даже сквозь противогаз. Рукой в толстой рукавице он тронул сваренный воедино кусок синтетических рукавов сорочки, акрилового свитера и лучезапястных костей. Тот упал и глухо звякнул об пол. В окно мимо скорчивших рожи отвращения под своими респираторами пожарных смотрел голый черный череп.

2.

Жизнь после праздников никак не начиналась снова. Прокурор восьмью неделю собирался подписать обвинительное заключение по уличному убийству, которое Саша Ахин тащил с сентября. Обвинение не вытанцовывалось. Придя в офис 9 января, Саша от скуки стал узнавать, кто в городской прокуратуре контролирует проверку по пожару. Оказалось, пока этим не занят никто, кроме Глеба «Семь-Сорок» Розенфарба из отдела гособвинения, которому, видимо, тоже стало скучно и любопытно.

– Там прям агонь! – с удовольствием задышал в трубку Семь-Сорок. Саша открыл пакетик с зефиром, высыпал его в кофе и приготовился слушать. – Неизвестный от 25 до 45, рост от 165 до 170, кости без патологий, зубы так себе, одним словом – стандарт. Главное – как он умер. Ты себе не представляешь. Я бы так не хотел. Криминалисты говорят, дело было так: злодей ударил его чем-то в лоб, скорее всего, стулом, покропил ковер бензином, бросил спичку и убежал. Ковер тлел, обои тлели, мебель подтлевала, мужик лежал контуженный, но живой. Такое бывает: в отключке человек редко и поверхностно дышит, поэтому угарным газом травится не так быстро, как бодрый и веселый. Потом что-то случилось; может быть, носки тлеть начали, и он проснулся. Встал, доковылял до окна, открыл...

– И устроил тягу.

– Полыхнуло – не то слово. Криминалисты говорят, за секунду все в квартире стало температурой 900 градусов. У соседей снизу штукатурка на потолке превратилась в керамику. А мужик до последнего думал, что выживет. Круто, правда?

– Ради таких моментов я и вылезаю утром из-под одеяла, – кивнул Саша.

Саша повесил трубку и наклонился проверить, сколько зефиринок осталось на поверхности чашки, куда перед началом разговора он высыпал целую горсть. Смысл зефира в кофе – не дать ему растаять, но позволить нагреться (а он плюхнул и забыл про них, дурак!). Удержать в зоне Златовласки, где только и возможна жизнь. В этот момент Саша думал о Семь-Сорок.

«Я помогу тебе, – в разное время говорили Саше разные люди. – Я дам тебе бесценный совет». И ничего, кроме совета, содержащего 0% полезной информации и 100% чувства собственного превосходства советчика, за этими словами никогда не следовало. Слыша «я помогу тебе», Ахин принимался демонически смеяться и целить собеседнику в голову из воображаемой «беретты». Когда Семь-Сорок говорил «я помогу тебе», он приезжал среди ночи или шел на должностное преступление. Он был устрашающе точен в словах «я помогу тебе», и Ахин задумывался – вне всякой связи с реальностью, разумеется – что, приди им в голову завязать отношения, Семь-Сорок был бы способен встать первым, чтобы готовить завтрак.

Да, большая часть зефира успела раствориться и превратить кофе в приторную жижу. Такова жизнь.

Из-за матово-стеклянной двери старшего партнера Ахина попросили подойти, и это тоже было неприятно.

– На тебя жаловались, – сказала старшая, которую в фирме за глаза называли Ветчиной, и посмотрела исподлобья, собрав лесенку морщин на лбу.

– Я рад, – ответил Саша. – Это значит, что я существую.

Ветчина порылась в записках. У нее были листки для записей, стилизованные под доллары. Она раскидывала их всюду в беспорядке, из-за чего ее стол выглядел соблазнительно издали и разочаровывающе вблизи.

– Твой клиент Нургагам... Нурбамага... – попыталась прочитать она.

– Называй его Старый Бай, если тебе трудно, – улыбнулся Ахин. – Все так делают.

– Это расизм, – зыркнула Ветчина и дочитала. – ...Нурмагамбетов сказал, что нанял тебя, чтобы избавиться от проблем, а ты посадил его бухгалтера.

– Бухгалтера, заметим, а не Старого Бая, – поднял палец Ахин.

– Без моджахедских жестов, пожалуйста, – рявкнула ветчина. – Бухгалтер у него работал за одиннадцать ка в месяц. Одиннадцать, Карл! У клиента теперь страдашки, к нему даже четверокурсники меньше, чем за пятнадцать, не идут!

– Хорошо, но начнем с того, что Старый Бай не нанял меня, а обратился в фирму, где ты-ы-ы приняла решение передать дело мне.

– То есть это я виновата! – раздула ноздри Ветчина.

В диалоге наступила интермедия: старший партнер и адвокат смотрели друг на друга пристально, стараясь телепатически передать друг другу как можно больше оскорбительных слов. Затем Ветчина встала, чтобы не смотреть снизу вверх.

– Я передаю тебе еще одно дело, – зло сказала она и вручила фальшивый доллар. На морде Джорджа Вашингтона был выведен скайп-логин elven_princess, заверченный годом рождения, относящимся к эпохе, когда Леннона еще не застрелили. – И у меня к тебе личная просьба: делай не то, что считаешь правильным, а то, что требуется клиенту. Внимательно слушай клиента и делай то, что требуется. Хорошо?

– Даже если она потребует фотографию моего эрегированного члена? – зачем-то подставился Саша.

Ветчина поймала его оплошность и плотоядно ухмыльнулась.

– В фотошопе, – с расстановкой сказала она, давая понять, что изящно пропускает самую оскорбительную часть фразы, – нарисуешь.

3.

Дома Саша встал с ноутбуком посередине комнаты и не смог двинуться с места. Он не знал, куда сесть, чтобы во время видеозвонка не чувствовать себя не в своей тарелке. Его книжный шкаф, заполненный тонко подобранной литературой, как художественной, так и по специальности, стыдно сиял полированными поверхностями. Общеизвестно, что мебельщики выбросили все свои смеси для столь густой полировки сразу после развала СССР, поэтому собеседница подумает, что ее адвокат до сих пор не накопил на квартиру и снимает угол у ветерана войны. Дверь в комнату после одной неплохой вечеринки, посвященной годовщине второго ввода войск США в Ирак, украшала размашистая надпись «Semper fi» краской-серебрянкой: клиентка подумает, что Саша еще не съехал из общаги. Занавески напоминали кулисы домашнего театра, в котором девятилетний Саша играл в сценках из «Хижины дяди Тома». Обои были ужасны всегда, но сделались окончательно непереносимы после того, как владелец квартиры стал вешать на стены все, что привлекало его внимание в сувенирных лавках восточной Европы. Лежать на диване, разметав волосы по простыне, и держать ноут над собой на вытянутых руках? Допустим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.